

Однако, независимо от безысходности или нет, человеческая жизнь есть человеческая жизнь, и для Фэн Мина подобное являлось скелетом в шкафу[1]. Услышав, как Чжуан Пу внезапно начал этот разговор, князь, неотвратимо чувствуя огорчение и угрызения совести, немедля поменял тему беседы:

— Военный род хоть и дорожит талантливыми полководцами, вот только в итоге он не способен справиться с «мозговым центром»[2] наследственной системы знати. По-моему, всё же метод отбора Жун Тяня основательнее, потом всем станут понятны его усердия. Давайте, после стольких разговоров, выпьем чаю. — Подняв чашечку, князь оказал гостеприимство мужчинам.

Господа, попивая чай и вкушая пирожные, продолжили беседу.

То, что Чжуан Пу не в силах был произнести и трёх фраз, не коснувшись любимой темы[3], Фэн Мин узнал ещё будучи на реке Оман, когда по ошибке чуть не уснул, слушая, как генерал рассказывает о военном искусстве.

Но кто бы мог подумать, что У Цянь, этот мужчина, выросший в императорской семье, тоже испытывал крайний интерес к армейским делам, однако принц не только вопросу о том, как вести бой, но и содержанию победы уделял особое внимание. Более того, мужчина проявлял к простым солдатам, попавшим в трагические обстоятельства, сочувствие, чем удивил князя.

— Поговорим о доспехах? — начал У Цянь. — Тот, кто, дрожа, идёт на штурм, так это, в большинстве своём, рядовые солдаты, которые маршируют впереди и, бросившись в атаку, сокрушают врага, но и которых очень легко ранить и уж тем более убить. Отдающее лишь приказы командование находится позади, имея при себе многочисленную охрану, к тому же оно располагается на огромном расстоянии от передовой, потому и оружие врага с огромным трудом может его настигнуть. В самом деле, обычно командиры облачены в броню, тогда как простые солдаты вынуждены идти на противника без какой-либо защиты.

Фэн Мин словно обомлел. С момента когда он, князь, попал в эту эпоху, то всегда облачался в богатую одежду, вкушал изысканные блюда, каждый раз довольствуясь чей-то заботой и окружённый многочисленными телохранителями. Жун Тянь, боясь, что с любимым фениксом может случиться несчастье, только и мечтал окружить его заботой со всех сторон[4], поэтому преподнёс Его Светлости множество всевозможных дорогих доспехов, что хранились во дворце Силэй, каждый из этих подарков был превосходен по-своему, а Цю Лань с близняшками собственноручно сшили несколько лёгких доспехов из шкур диких зверей.

Как? Неужели командование, требуя уничтожить засаду, отправляло простых рядовых солдат — они должны были, несмотря на град стрел, атаковать противника — даже не выдав им доспехи?

Обычно те, кто чаще общался и составлял компанию Его Светлости, являлись высокоранговыми генералами и, несомненно, носили доспехи, как, например, занимающий ответственное положение Жун Ху, несмотря на то, что являлся для Жун Тяня мальчиком на побегушках, или же Мян Я, занимающий должность приближённого охранника.

Подумав об этом, Фэн Мин понял, что на самом деле слишком отдалён от условий жизни простого народа, да и шанса хоть немного пообщаться с простолюдинами у него не выпадало. Но, кажется, мастера рода Сяо не облачались в доспехи. И Его Светлость обернулся к Ло Юню.

Поняв мысли господина, Ло Юнь холодно проговорил:

— Нам, членам семьи Сяо, ни к чему носить то, что может связать по рукам и ногам, а если надеть это, то как тогда работать? — Чувствовалось, что молодой охранник высказался не без гордости.

«Верно, — подумалось Фэн Мину, — род Сяо богат, доспехи, конечно же, купить в состоянии, вот только если, отправляясь убивать, они обрядятся в них, разве тогда жертвы не умрут со смеху? Видимо, остаётся поинтересоваться только у Жун Ху». И князь перевёл взгляд на императорского телохранителя. На что тот с серьёзным видом отозвался:

— Именно так, обычных рядовых солдат нельзя снабдить доспехами. Командование, само собой, старается заботиться о солдатах, чтобы было как можно меньше раненых, но ничего не поделает — тратятся материалы для создания защиты, да и рабочие руки весьма не дешёвы, войско государства огромное, потому в основном большая часть средств идет на продовольствие, без всякой возможности приобрести доспехи; если всему командованию помогли оснащаться бронёй, считай, уже неплохо. После вступления на престол государь однажды издал указ, где говорилось о том, чтобы деньги с налогов потратились на увеличение военного снаряжения, таким образом даже самое низкоранговое командование может облачиться в броню. А в некоторых слишком бедных странах даже самое низшее командование несёт службу без каких-либо доспехов.

Фэн Мин молча сокрушался. Как не стыдно?! Он, князь, недавно наслаждаясь щебетом птиц и благоуханием цветов, превознося эту эпоху за множество имеющихся в ней благ, только сейчас внезапно всё понял. Такой системой ранговых привилегий и, как ранее говорилось, хорошими условиями жизни могли пользоваться лишь немногие отпрыски знати, простые люди, в свою очередь, влачили неизвестно насколько горестное существование. Даже вступая в армию ради бескорыстного служения стране, солдаты получали крохи от государства вместо заботы и ценности, не говоря уже о простом, возделывающем землю, народе.

Бросив взгляд на У Цяня, Фэн Мин вновь подумал: «Жун Ху говорил, что матушка У Цяня родом из простолюдинов, по-видимому, разведка оказалась права, возможно, из-за происхождения матери положение У Цяня позволило ему куда ближе прикоснуться к простой жизни, чем другим персонам из царствующего дома, даже очевидно, что У Цянь человечнее остальной знати. К сожалению, его не жалуют в стенах императорского дворца, иначе жизнь тунских простолюдинов стала бы намного лучше. Ах, поменяйся этот человек положением с безрассудным принцем Цин Ли, возможно, стало бы только лучше...»

Поразмыслив об этом, князь почувствовал, как симпатии к принцу несколько прибавилось. Однако сам Фэн Мин хмуро прервал свои мысли:

— Дело о броне непременно затрагивает жизнь рядовых солдат, неужели нет способа исправить ситуацию в лучшую сторону?

На что Чжуан Пу протяжно вздохнул:

— Если бы нашёлся способ, то уже давно бы им воспользовались. Воюя в самых опасных сражениях, генерал боится потерять всех своих солдат, а без них какой же это бой? А если покупать самые дорогие доспехи на каждого воина, то где столько денег взять? Кто готов потратиться? Если бы вся тунская знать была как У Цянь, сразу стало бы хорошо. Он продал всё, что имелось в собственном дворце, даже использовал деньги, выделенные ему царствующим родом, тем самым помог рядовым солдатам приобрести броню.

Фэн Мин с дрожью уставился на У Цяня.

На что мужчина едва натянуто улыбнулся:

— Из-за этого все в императорском дворце обзывают меня глупцом. Вот только, даже если всё своё имущество продам, боюсь, пользы от этого будет мало, поскольку созданной брони на все мои деньги не хватит даже на местное вооружение.

Чжуан Пу, должно быть, состоящий с У Цянем в очень хороших дружеских отношениях, стал утешать мужчину:

— Быть таким, как ты, весьма неплохо, но даже государю непосильно обрядить всех солдат в доспехи, что уже говорить о тебе?! Погляди на одиннадцать государств, кто из правителей в состоянии полностью облачить своих солдат? Если бы хоть одно государство сделало нечто подобное, то давно с помощью своего войска объединило бы все страны.

Княжеское сердце внезапно сильно забилося. Увидев выражение лица Его Светлости, Чжуан Пу всё также ошибочно предположил, что князь находится в изумлении от действий принца, и, понизив тон, объяснил:

— Пусть молодой господин Сяо не обижается, но У Цянь чувствительный и самоотверженный человек, у которого свои причины совершать подобное — ведь его дед[5] и несколько дядей[6], являясь солдатами Тун, погибли на поле брани. В итоге новость о смерти одного из дядей донеслась с передовой линии, и его матушка, прочитав письмо, на месте скончалась, поэтому...
— вздох за вздохом срывались с уст генерала.

У Цянь горестно добавил:

— Почему царствующий род и простолюдины издавна делятся на благородных и низших? Моя матушка ухаживала за государем и, в итоге забеременев, родила меня, со стороны можно считать это огромнейшей удачей, но в стенах императорского дворца моя матушка из-за своего

низкого происхождения по-прежнему подвергалась оскорблениям со стороны других жён отца-императора и почти каждый день до самой смерти проводила в печали. — И, переведя взгляд на князя, мужчина мягко сказал: — Это всё меня окружает много лет, поэтому, после речи молодого господина Сяо прошлой ночью, родилось слишком много тяжёлых переживаний.

Сейчас Фэн Мин, в конечном результате, в общих чертах понял чувства принца. Судьба У Цяня в сравнении с жизнью князя действительно была куда горестней. Хоть Фэн Мин и являлся сиротой, по крайней мере теперь у него был Жун Тянь, к тому же при нём находились Жун Ху, Цю Лань, Ло Юнь и близняшки.

Большая часть дней, можно сказать, была наполнена счастьем?

Поэтому, не желая вновь вгонять У Цяня в горестные воспоминания, князь продемонстрировал манеры гостеприимного хозяина — попросил подать ещё пирожных и спросил:

— Говорили, что создание доспехов слишком дорого, а в чём состоит, в конце концов, огромная трудность?

— Сбор необходимых материалов в зависимости от того, какой вид брони нужен, и в придачу смотря какой мастер будет их делать.

Взгляд князя стал недоумённым:

— То, что нужны разные материалы для разных видов и размеров доспехов, я понимаю, но что значит «какой мастер»?

Чжуан Пу рассмеялся:

— Оказывается, молодой господин Сяо в этом деле несведущ. Работа мастера крайне важна, при добротном материале нужно искать знающего мастера — от хорошего железа можно получить крепкие доспехи, и необходимая техника ремесла имеет огромное значение. Вот только каждый мастер обладает своей особой техникой, которая хранится в строгом секрете, подробности мне неизвестны. Лишь, по слухам, нужно в печи дляковки железа поддерживать очень высокую температуру, которая так или иначе зависит ещё от глины, используемой для постройки печи, и от того откуда она взята и прочих мелочей.

«Так сложно?..» — И Фэн Мин уже было начал чесать затылок, но стоило княжеской руке едва дрогнуть, как находящийся рядом Ло Юнь с невозмутимым видом крепко сжал её, предупредительно глядя на господина.

Фэн Мин с обидой захлопал ресницами, но ему ничего другого не оставалось, как, сдерживая желание почесаться в затылке, продолжить играть роль прелестного[7], меланхоличного и обладающего изящными манерами молодого господина рода Сяо.

— То есть опытных и сведущих в отливке ремесленников действительно очень трудно отыскать.

Успокоившийся У Цянь вернул:

— Верно, очень трудно, но если молодой господин Сяо захочет ознакомиться с искусством отливки доспехов, то это, наоборот, будет просто. На просторах государства за пределами Тунцзэ живёт знаменитый мастер-оружейник по имени Вэн Хэн, если молодой господин Сяо заинтересовался, то не мешало бы вместе съездить и познакомиться с ним.

Фэн Мин уже хотел было кивнуть, как холодный тон Ло Юня прервал тишину:

— Прошу прощения, но наш молодой господин Сяо в последнее время плохо себя чувствует и не может куда бы то ни было выезжать.

Находящиеся в стороне защитники в лице Ло Юня и Жун Ху со временем всё больше походили на родственные души, которые понимали друг друга без слов, тем самым единогласно препятствуя вылазкам Его Светлости. Жун Ху, не обращая внимания на обиженно-протестующий взгляд Фэн Мина, тотчас же продолжил мысль товарища:

— Шу-ван Цин Чжан с помощью своих людей уже составил план полного нашего времяпрепровождения, в котором вряд ли найдётся возможность для Вашей поездки.

Будучи людьми умными, У Цянь вместе с Чжуан Пу всё поняли, едва услышав телохранителя. Так что совершенно не стали осуждать, ведь положение князя Мина, в конце концов, крайне щекотливое, более того, неизвестно, сколько сейчас в Тунцзэ находилось влиятельных господ, в подчинении которых были хитрые и коварные шпионы. Двое мужчин, конечно же, не хотели, чтобы с Его Светлостью произошла какая-то беда, несущая за собой тяжёлые последствия для страны, поэтому не посмели что-либо высказывать.

Вскоре трое мужчин вновь вернулись на свои места, и весёлая беседа с гостями продолжилась. Чем дольше Его Светлость разговаривал с У Цянем, тем больше считал этого человека необычайно простым, чьи слова звучали прямо и легко.

Поболтав около часа, Чжуан Пу сообщил о своих оставшихся нерешёнными государственных делах и распрощался с Фэн Мином. У Цянь, в свою очередь, не найдя ничего лучше, вместе с генералом покинул временную резиденцию князя.

Фэн Мин лично проводил господ до больших ворот, где обратился к У Цяню:

— Генерал Чжуан Пу занят делами, и я не настаиваю, но если у Вас выдастся свободная минутка, то было бы неплохо чаще видеться, так как мне с Вами очень интересно общаться.

На что У Цянь со смехом проговорил:

— Как раз об этом подумал.

Проводив взглядом двух мужчин, удаляющихся на лошадях, Фэн Мин вспомнил о Жун Тяне и спешно, прихватив с собой Жун Ху и Ло Юня, помчался в свои покои. Переступив порог, Ло Юнь по своей воле остановился, больше не сделав и шагу вперёд. Князь обернулся и в изумлении спросил:

— Почему в последнее время ты не идёшь меня охранять?

Ло Юнь ответил:

— Эти дни я охраняю снаружи, а за внутреннюю охрану пусть Жун Ху отвечает.

О прибытии Жун Тяня Ло Юнь уже знал, так как его, следующего за Фэн Мином тенью, предупредил Жун Ху: и о тайном проникновении силэйского государя в опочивальню Его Светлости, и что нельзя это предавать огласке, и о воссоединении Жун Тяня с Фэн Мином.

Поэтому из всех головорезов рода Сяо, обеспечивающих охрану снаружи, только Ло Юню было об этом известно. Более того, Ло Юнь обеспечивал прикрытие, которое упрощало ситуацию, иначе о тайном появлении здесь Жун Тяня легко могли прознать другие люди.

Без посторонних глаз князь уже смог позволить себе почесать в затылке и, смерив взглядом Ло Юня, забурчал:

— Я поначалу наивно полагал, что ты не заходишь только из-за того, что я нахожусь там с Жун Тянем, но, Ло Юнь, теперь, как мне кажется, причина не только в этом?

Ло Юню не нравилось, когда князь с глупым выражением лица чесал затылок, потому, нахмурившись, охранник схватил руку господина и опустил вниз:

— И какая же это причина? Если молодой господин прикажет войти приближённому стражнику, то этот подчинённый тотчас же поменяется с Жун Ху и всё.

— В последнее время Цю Юэ тоже очень странная...

Не успели слова полностью сорваться с уст, как Ло Юнь помрачнел:

— Что сказал молодой господин?

Но Фэн Мин лишь пугливо воскликнул:

— Ничего, я ничего не говорил. — И, словно мышь, схватившись за голову[8], спрятался в опочивальне.

Оказавшись в комнате, Его Светлость обнаружил, что Жун Тянь уже проснулся — облачённый в чёрный с расшитыми золотом краями халат чанпао[9], мужчина сидел за столиком, смотря на недавно написанные иероглифы Его Светлости, полы одеяния, не подвязанные даже поясом на талии, свободно свисали до пола, а сам государь хоть и выглядел строго, но в то же время на удивление расслабленно и сексуально.

Вскрикнув от радости, Фэн Мин подпрыгнул к столу:

— Я вернулся! — С нескрываемым блеском в глазах князь спешно запросил о награде за «заслуги»: — Моя каллиграфия стала лучше, чем раньше?

Жун Тянь с улыбкой бросил взгляд на перекошенные иероглифы:

— Намного лучше.

— А где награда?

— Уже приготовил, протяни руку.

И Фэн Мин вытянул белоснежную ладонь.

Схватив за запястье, Жун Тянь внезапно принял вид, кричащий о жестокой расправе, и, поймав в свои объятия, уложил князя на кровать, срывая верхнюю одежду.

— Что? Зачем? — перепугавшись, зашумел Фэн Мин, когда холод коснулся обнажённой спины.

Сильная и большая ладонь государя исчезла.

Перевернувшись на кровати, Его Светлость наклонил голову и, в панике увидев приближающегося к нему Жун Тяня, в руках которого была смоченная в чёрной туши кисть, разве мог не понять, что государь задумал что-то недоброе? Завопив, князь вскочил, бросился к двери, дабы скрыться за ней. Но ему не дали осуществить желаемое — Жун Тянь схватил свою красивую маленькую полубнажённую «дичь» и со смехом сказал:

— Давай Ваша Светлость ляжет на живот. И я тотчас же напишу «Принадлежит Жун Тяню», хорошо?

Фэн Мин запротестовал:

— Наверняка это Цю Юэ и Цю Син меня выдали, иначе как бы ты узнал, что написано на твоей спине?

Но держащий «орудие возмездия» Жун Тянь, не выпуская руки князя, вернул того в постель и, усмехаясь, пригрозил:

— Лучше лежи смирно, иначе на твоём лице появится большая черепаха или, может быть, арбуз.

Как мог Фэн Мин покорно подчиниться и лечь на живот?! Конечно же он ни за что не соглашался это сделать.

Его, князя, искусство меча в последнее время значительно улучшилось, да и физическая сила прибавилась, потому из всех сил Фэн Мин начал крутиться, и даже Жун Тяню с трудом удавалось одной рукой удерживать своего любимого феникса. Поэтому, отбросив кисть в сторону, Его Величество двумя руками обхватил брыкающееся недоразумение и, пребывая в бодром расположении духа, — лучше всего закончить начатое[10] — пока князь кричал, протестуя, стянул с него всю одежду.

— Эй! Сейчас же день!

— Днём ещё лучше, можно всё разглядеть.

Демонстративно строя рожи, Его Светлость спросил:

— Что «всё разглядеть»?

Жун Тянь обнажил белые ровные зубы:

— След от зубов. — С этими словами он перевернул Фэн Мина и, прижимая к кровати, раздвинул нежные стройные бёдра и без лишних слов приблизился к паху.

Паника охватила разум, и князь, уже было собираясь сделать предупреждение, неожиданно завопил истошно:

— Очень больно!

Жун Тянь укусил внутреннюю сторону бедра. После чего скользнул по оставленному следу языком:

— Правда очень больно?

Чувствительная плоть и кожа, что до этого была охвачена болью от укуса, сейчас подверглась натиску тёплого языка, потому Фэн Мин, немедля задрожав от подобной ласки, тихо выстонал:

— Жун Тянь... Ты... Прекрати... Нет, остановись! Остановись...

Исправление ошибки звучало разумно, только к этому времени вопрос о прекращении ласк уже не стоял.

К сожалению, несмотря на свою разумность, более того, суровость, сквозь сказанное вырвался всхлип и несдержанный стон. Где касался кончик языка, белоснежная гладкая плоть вздрагивала, словно умоляя о ещё большей страстной нежности и любви, в таком случае как мог развратник, до этого разлучённый на длительное время с Фэн Мином, упускать такое столь превосходное лакомство?

— Этот государь проголодался.

Находясь между ног, Жун Тянь обеими руками крепко держал князя, своенравно облизывая внутреннюю сторону бёдер; мужчина поднимался всё выше и выше, пока не добрался до мясистого мешочка, тестикул, который вскоре безжалостно вобрал в рот. Фэн Мин тяжело задыхался и задвигался, начав приподнимать тело, ведь в сравнении с только что полученным наказанием укусом, эта ласка куда больше возбуждала, заставляя изящную плоть, охваченную жаром, встать.

Коварный Жун Тянь легонько сжал кончик головки и, недобро смеясь, проговорил:

— Было бы замечательно, позволь ты этому государю написать те особые слова, но ты, наоборот, отказался. Сейчас, когда наказание ужесточилось, вновь осмелился воспротивиться, тогда я немедленно начну покусывать твою штучку. — С небольшой силой мужчина выполнил задуманное.

Фэн Мин всхлипнул, резко задрожав, истома охватила поясницу, после чего тело обессиленно опустилось на постель. Из уретры, стоило зубам коснуться головки, что напоминала колокольчик, развратно излилось крупной струёй прозрачное семя.

Хватая воздух ртом, князь покраснел, а лицо наполнилось страстью[11].

Князь бросил взгляд в окно, за которым царил прекрасный день. Хоть и говорилось, что один из признаков древних императоров, погубивших страну и престол, — дневные сексуальные наслаждения и открытая порочная жизнь, но так или иначе сейчас силэйский престол занимал Тун-эр, к тому же от «хищного рта» Жун Тяня всё равно не скрыться, лучше уж насладиться близостью.

Не оставляя этой мысли, Его Светлость ударил государя ногами по бокам. Лёжа на спине и

стараясь сохранить спокойствие, Фэн Мин трогательно прервал молчание, не пытаясь скрыть охватившие разум чувства и позволяя действовать:

— Делай, что хочешь, только... только не кусайся, а. — Зашевелившись, князь ещё шире раздвинул ноги.

На поддразнивание со стороны князя силэйский государь поинтересовался:

— И кто сейчас невежественный государь-развратник?

— Ты, конечно...

— Этот государь решил покусать[12] тебя, — угрожающе вымолвил Жун Тянь и, опустив голову к прекрасному возбуждённому члену, глубоко вобрал его в рот. От донёсшегося над головой полусдержанного, полудовольного сдавленного стона душу невольно охватил жар, и Его Величество с ещё большим старанием стал проявлять заботу.

Пока двое мужчин наслаждались ласками и нежным обществом друг друга, за дверью внезапно донёсся голос:

— Ваш подчинённый пришёл доложить...

— Жун Ху!

Фэн Мин впервые среди бела дня вёл себя так развязно, наслаждаясь удовольствием от минета[13], но, услышав обращение телохранителя, от внезапного испуга — пробудилась нечистая совесть[13] — сел на кровати.

Жун Тянь, всё ещё находясь между ног Его Светлости, не успел высвободить полутвёрдый член из рта, отчего Фэн Мин тотчас истошно завопил:

— А!

Стоило крику вырваться за дверь, как снаружи раздался потрясённый зов:

— Князь Мин!

Занавеска немедля поднялась, и взволнованный Жун Ху с мечом в руках ворвался в комнату:

— Покушение! Нет... — Едва перешагнув порог, телохранитель резко остановился, застыв на месте.

Жун Тянь ловким движением сгрёб обнажённого Фэн Мина и, пряча в объятиях, свободной рукой накрыл любимого феникса широким чёрным халатом, что был на нём, после чего, окинув Жун Ху предупредительным взглядом, спокойно прервал молчание:

— Можешь сказать, что сегодня Фэн Мин решил хорошенько отдохнуть и никому ни по какому делу нельзя его тревожить? — А князю на ушко нежно шепнул, интересуясь: — Не укусил? Больно? Дай, я помогу тебе растереть. — И под взглядом стоящего за спиной подчинённого силэйский государь вытянул руку, помогая Фэн Мину успокоить от испуга обмякший член.

Князю в этот момент почти хотелось биться головой об стену, но, крепко схватив «волчью лапу», владелец которой явно замыслил недоброе, свирепо вытаращился на Жун Тяня, словно говоря: «Если ты на глазах у постороннего человека станешь творить всё, что в голову взбредёт, то я немедленно испорчу твоё настроение».

— Ваш подчинённый... — Жун Ху сегодня всё равно не везло: он, оказывается, уже дважды напоролся на одну и ту же ситуацию и на самом деле извлёк урок, потому крайне упрямо стоял за занавешенной дверью, докладывая, но кому могло бы прийти в голову, что князь внезапно завопит?! Едва услышав крик ужаса, телохранитель понял — это не шутка, и, как и любой другой несущий огромную ответственность за охрану князя Мина мастер меча, прежде всего действовал рефлекторно, а именно, ворвался в комнату.

— Поскольку неожиданно прибыл гость с визитом, Ваш подчинённый явился спросить, есть ли у князя Мина какие-либо указания... — Жун Ху, украдкой глядя на государя, держащего в своих объятиях Фэн Мина, тихо вздохнул, сетуя на до крайности горестную судьбу.

Вновь встретившись за долгое время Жун Тяню и Фэн Мину, которые сильно утомились, а всё из-за банкета и секретных миссий, сейчас выпал редкий шанс отдохнуть в компании друг друга и вкушать сладость близости, но как нарочно, гости один за другим нарушали их идиллию, от подобной мысли грудь наполнилась клокочущей ревностью.

— Что ещё за гость? — одарив Жун Ху острым взглядом, Жун Тянь холодно процедил. — Впрочем, плевать, кто прибыл, всех от имени государя выгони прочь.

На что силэйский телохранитель озадаченно нахмурился:

— Докладываю государю: этого гостя едва ли удастся с лёгкостью выгнать, поскольку...

Жун Тянь с ужасающим холодом усмехнулся:

— Что «поскольку»?

— Поскольку... — Жун Ху безнадежно пожал плечами, — поскольку госпожа Яое сказала: если князь Мин сейчас же не выйдет к ней, она сама ворвётся в опочивальню и до красноты надерёт

княжеский зад...

Примечания:

[1] 见不仁 (jiàn bù dé rén de shì) — цзяньбудэжэнь дэ ши — неблагоприятные дела; неприглядный поступок; «скелет в шкафу».

[2] 智库 (zhì kù) — чжику — «кузница идей», «мозговой центр», «фабрика мысли»; аналитический центр, группа экспертов.

[3] 三句不离本行 (sān jù bù lí běn háng) — сань цзюй бу ли бэньхан — «не в силах произнести и трёх фраз, не коснувшись любимой темы» — о человеке, который постоянно говорит об одном и том же; говорить на узкопрофессиональные темы; говорить о делах (в гостях).

[4] 里三层外三层 (lǐ sān céng wài sān céng) — дословно «внутри три слоя и снаружи три слоя», в значении: толпится вокруг; окружить.

[5] 外孙 (wài gōng) — вайгун — дед (по матери).

[6] 舅舅 (jiù jiù) — цзюцзю — дядя со стороны матери.

[7] Иероглифы 风流 (fēng liú) — фэнлю — вместе могут переводиться как «выдающийся\прелестный\романтичный», но если брать отдельно значение каждого иероглифа — ветер (风) и поток (流) — то значение всего слова уходит корнями в даосскую философию, где означает порядок, идущий от старых времен, естественную гармонию мира (соединение образов мужского «ветра» и женского «потока»).

[8] «Обхватить голову и убежать как мышь» — обр. в знач.: бежать в панике, обратиться в бегство.

[9] Чанпао — длинный халат, который стал популярным во времена династии Цин. В отличие от ханьфу, эта одежда отличается более прямым кроем и часто застёгивается на пуговицы по диагонали от правого плеча к левой стороне груди. Чанпао обычно имеет длинные рукава и глубокий вырез, который может быть украшен вышивкой или кружевом.

[10] 一不做二不休 (yī bù zuò èr bù xiū) — и бу цзо эр бу сю — досл. «если не сделал первое — не останавливайся на втором», т.е. «раз начал — доводи до конца».

[11] 三木难全 (sān mù nán quán) (méi mù jiān jiàn dōu yǒng shàng chūnyì) — мэйму цзянь доу юншан чуньи — можно перевести «лик наполнился страстью и любовной тоской».

[12] Иероглиф 咬 (yǎo) — яо — можно перевести как «кусать», но он ещё несёт второй смысл от иероглифа в слове 敲 (qiāo) — коуцзяо — минет.

[13] 吹箫(chuīxiāo) — «играть на сяо» — жарг. делать минет.

[14] 贼心虚(zuòzéi xīnxū) — цзоцзэйсиньсуй — можно перевести как «у злодея сердце дрожит от страха», «на воре шапка горит», обр. нечистая совесть покоя не даёт.

<http://bllate.org/book/13377/1190253>